

СЕРИЯ «РЕЛИГИОЗНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ»

В серии публикуются труды
известнейших современных
религиозных философов и мыслителей,
размышлявших о судьбах христианства
и христианской цивилизации.

В ней также публикуются
современные исследования философского
и богословского наследия российских
и мировых мыслителей.

Simonetta Salvestroni

DOSTOEVSKIJ E LA BIBBIA

Edizioni Qiqajon Comunità di Bose 2000

РЕЛИГИОЗНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ

СИМОНЕТТА САЛЬВЕСТРОНИ

БИБЛЕЙСКИЕ
И СВЯТООТЕЧЕСКИЕ
ИСТОЧНИКИ РОМАНОВ
ДОСТОЕВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 86.37
УДК 244.82
К 16

Перевод с итальянского книги
Dostoevskij e la Bibbia by Simonetta Salvestroni
был предоставлен автором и публикуется с ее согласия

Сальвестрони Симонетта
Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского / Пер. с ит. (Серия «Религиозные мыслители»). — М.: Издательство ББИ, 2015. — х + 258 с.

ISBN 978-5-89647-330-5

По мнению автора, известного русиста, профессора Университета Кальяри (Италия), современный читатель, задавленный невероятным количеством пустой информации, как никогда нуждается в рефлексии над кардинальными вопросами бытия, которые ставил Достоевский и которые все меньше слышны сегодня. Сальвестрони подробно анализирует явные и скрытые цитаты и аллюзии из Библии и произведений отцов церкви в главных романах великого русского писателя. Книга настраивает нас доискиваться, вместе с Достоевским, смысла жизни — того, что составляет красоту и истину, что позволяет обрести глубокий, прочный мир и радость.

Верстка: Татьяна Дурнова
Обложка: Надежда Павлючик

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Simonetta Salvestroni, 2000
© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2015
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316, Россия
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию.....	ix
Вступление	1
<i>Глава первая</i>	
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ.....	23
Первое ощущение богоприсутствия: монолог Мармеладова	35
Второе ощущение богоприсутствия: чтение главы о воскрешении Лазара.....	49
Третье ощущение богоприсутствия: опыт Сибири	69
<i>Глава вторая</i>	
«ИДИОТ»	75
Главный герой и рай Бытия.....	83
Петербург и VI глава Апокалипсиса	96
«Христос во гробе» Гольбеина и «источник воды живой» (Откр 21:6)	111
Жертвы (Откр 6:10)	126

Глава третья

«БЕСЫ»	133
Полюс бесов: «премудрый змий»	141
Полюс света: Богоявленская улица	149
Исповедь Ставрогина и «схождение ума в сердце»	155
Послание Лаодикийской церкви	172
Бесноватый из Гадаринской страны	184

Глава четвертая

«БРАТЪЯ КАРАМАЗОВЫ»	189
Вторая книга романа: Бог Отец и «отец лжи»	194
Иван – толкователь Ветхого и нового Завета.....	200
«Пшеничное зерно» – Маркел (Ин 12:24)	214
Кана Галилейская (Ин 2:1-10).....	231
«Ветхие люди» – Иван и Смердяков и «новый человек» – Миша (Кол 3:9).....	243
Илюша – «пшеничное зерно» (Ин 12:24)	250
Библиография	255

*Выражаю глубокую признательность
Рикардо Пикьо, вдохновившему меня на мысль
о данном исследовании и на протяжении
пяти лет обсуждавшему со мной эту работу.*

*Искренне благодарю Н.Ф. Буданову,
В.А. Котельникова, а также сотрудников
Группы Достоевского в Пушкинском доме и
Литературно-мемориальных музеев писателя
в Санкт-Петербурге и Старой Руссе,
которые ввели меня в мир современных
русских исследований
о жизни и творчестве Достоевского
и его литературном окружении.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Художественная литература и культурный контекст русского мира отражают исключительную глубину и духовность на нашем континенте.

Эти свойства, в частности, мы находим в романах Достоевского, в трудах отцов Восточной церкви (Исаака Сирина и Симеона Нового Богослова) и в свидетельствах представителей Парижской школы богословия в эмиграции (Евдокимова, Лосского, Булгакова).

По сравнению с 2000 годом, когда эта книга была опубликована в Италии, кризис, поразивший все современные общества, привел к еще большим потерям ценностей, которые придают жизни и смысл и вкус.

Романы такого писателя, как Достоевский, воспринявшего библейский текст через писания отцов Православной церкви, ставят перед нами кардинальные вопросы, которые все меньше и меньше слышны сегодня, и предлагают чрезвычайно глубокие субъективные ответы, побуждая к рефлексии и размышлению.

«Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» помогают понять, что действительно насущно для жизни в глобализированном мире, нивелирующем богатейшие культурные различия и отдающем предпочтение прежде всего тому, что материально, внешне, что сулит скорый успех, вытесняя на обочину великое наследие прошлого.

Книга «Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского», вероятно, сейчас необходима куда больше, чем в 2000 году, ибо она настраивает читателя, подавленного невероятным количеством пустой информации, доискиваться, вместе с Достоевским, смысла бытия — того, что составляет красоту и истину, что позволяет обрести глубокий, прочный мир и радость.

Симонетта Сальвестрони, сентябрь 2014 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

Романы Достоевского богаты текстами в тексте, цитатами, аллюзиями, реминисценциями, отсылающими к произведениям русской и зарубежной литератур. Однако без привлечения библейского текста невозможно понять и оценить творчество писателя во всей его полноте, сложности и оригинальности. В «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы» введены длинные евангельские отрывки — такие, как эпизоды с воскрешением Лазаря (Ин 11:1-44), с бесноватым из Гадаринской страны (Лк 8:32-36), Послание Лаодикийской церкви (Откр 3:14-17), фрагмент из эпизода свадьбы в Кане Галилейской (Ин 2:1-11), а также огромное количество прямых и косвенных цитат из Священного Писания, количество которых неуклонно нарастает к последнему роману настолько, что почти каждая страница содержит эти цитаты. По прошествии ста двадцати лет со дня опубликования «Братьев Карамазовых»

следует признать, что систематическое изучение столь важного для творчества Достоевского аспекта не было предпринято. Цель данной работы — выявить прямые и косвенные библейские цитаты, использованные Достоевским, и проанализировать их роль в художественной ткани романов.

В традиции средневекового славянского православного мира, по определению современного исследователя Рикардо Пикьо, Священное Писание и творения отцов церкви являлись важнейшими семантическими ссылками, «высокими образцами письменной традиции и священными источниками религиозного вдохновения»¹. Для XIX века работа, которую Достоевский проделывает над библейским текстом, весьма оригинальна. Автор нового времени, сознательно решающий не следовать древней традиции с ее точно установленными правилами, вводя в свои произведения библейский текст, обращается с ним более свободно по сравнению с авторами православного и католического средневековья.

Верность Достоевского Библии, с которой он не расставался со времени сибирской ссылки, была вызвана, вероятно, двумя причинами. Прежде всего — это глубокое чтение на протяжении четырех лет каторги Нового Завета, единственной имевшейся у него книги. В этот период, когда общение с другими заключенными было для него единственным контактом с людьми, писатель начинает открывать в библейском тексте всю глубину ответов на волнующие его вопросы. Позднее,

---

¹ См.: Пикьо 1991; 364-365.

по возвращении в Петербург, важный шаг в познании и интерпретации Св. Писания Достоевский совершает с помощью творений отцов церкви. В своих обширных полифонических романах, используя тщательно отобранный материал из газетной хроники², писатель занимается проблемами, актуальными по сей день. Ответы вытекают из целостного контекста всего произведения, возникающего через два взаимосвязанных плана: сюжетного и проясняющего его через цитаты библейского.

Черновые материалы, письма, другие свидетельства самого автора дают нам возможность проследить различные этапы работы над произведениями. Благодаря этим документам мы знаем, что работа над «Преступлением и наказанием» (1866) началась с образа молодого убийцы, измученного внутренним разладом в разрушающей реальности Петербурга 1860-х гг. В процессе работы над романом, как показывают черновики, идей, ставшей после 2 января 1866 г. ядром, вокруг которого автор развивает сюжет, является «православное воззрение»³. В окончательной редакции центром произведения становится глава, повествующая о том, как

---

² В «Преступлении и наказании», как подчеркивает Достоевский в письмах, его привлекает описание образа мыслей одного из многочисленных молодых убийц, о которых писали газеты того времени. В период работы над «Идиотом» его потрясло дело Ольги Умецкой и преступление Мазурина, широко освещавшиеся в печати; в «Бесах» нашло отражение дело Нечаева; в «Братьях Карамазовых» — преступление Ильинского.

³ «Идея романа 1. Православное воззрение, в чем есть православие» — пишет Достоевский в черновиках от 2 января 1866 г. (См.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 7, с. 154. В дальнейшем ссылки на это издание даются в основном тексте с указанием тома и страницы в скобках).

Раскольников слушает отрывок о воскрешении Лазаря, дающий ему, а также одновременно и читателю, ключ для интерпретации событий с точки зрения Сони, возлагающей на евангельский текст все свои надежды. Таким образом, в «Преступлении и наказании» писатель не просто исходит из библейского отрывка в разработке своего художественного замысла. Он придает этому отрывку главенствующую сюжетообразующую роль в художественной ткани романа.

В романе «Идиот» (1868), содержащем многочисленные цитаты и отсылки к Апокалипсису, начальной идеей, как пишет в письмах сам автор, является идея представить «вполне прекрасного человека». Стихи последней книги Нового Завета остаются на втором плане. В них герои романа находят подтверждение той несправедливой и разрушающей реальности петербургского мира, в которую они погружены. Одновременно эти отрывки рождают в них беспокойство, поскольку — как происходит с Ипполитом — они чувствуют, что в этих стихах содержится возможное разрешение их внутренних конфликтов, которого тщетно ищут все герои романа. Важнейшая отсылка к Евангелию введена автором не через прямое цитирование, а через текст в тексте, закодированный на ином художественном языке. Копия картины «Христос во гробе» Ганса Гольбейна — изображение снятия с креста, описанного четырьмя евангелистами, — потрясает и мучает Мышкина и Ипполита, разглядывающих ее в доме Рогожина. Это реалистическое изображение опухшего, безжизненного и начавшего уже разлагаться тела Того, Кто назвался Спасителем,

вызывает у героев романа вопрос, на который никто из них не может найти ответ.

В «Бесах» (1871), как подтверждают письма и черновики, евангельский текст о бесноватом из Гадаринской страны, поставленный эпиграфом и затем повторенный в финале, является исходным пунктом в разработке текста. Он дает ключ к интерпретации общественно-политической ситуации того времени, также как и Послание Лаодикийской церкви, упоминаемое старцем Тихоном, помогает Ставрогину осознать свой внутренний конфликт.

Наконец, в «Братьях Карамазовых» (1880) эпиграф, взятый из Евангелия от Иоанна (Ин 12:24), вводит тему, которая пройдет лейтмотивом через все произведение.

Способ введения и использования Достоевским библейских фрагментов в «Бесах» и в «Братьях Карамазовых», напоминает «тематические ключи», выявленные Рикардо Пикьо в традиции славянского православного мира, где библейские цитаты, помещенные средневековыми авторами в определенном месте — в начале экспозиции или сразу же после вступительной части, — указывали посвященному читателю высший тематический мотив, который объяснял скрытый смысл излагаемых реальных событий. «Поскольку любая отсылка к Писанию несет в себе толкование самого источника, — пишет Рикардо Пикьо, — для того, чтобы установить контекстуальное значение источника, было бы целесообразно задать себе вопрос, каким могло быть отношение к нему писателя <...> Для того, чтобы сделать это, необходимо обратиться к его толковательным источникам.

В действительности, мы можем понять “язык” тематического ключа только глубоко изучив его культурный фон»⁴.

Достоевский творит в культурном и художественном контексте, в котором основной свод технико-риторических правил славянского православного мира практически утерян. Однако и в данном случае, глубоко отличным от средневековых текстов, обращение к источникам является не менее необходимым, поскольку без контекста традиции Восточной церкви и патристики, утрачивается имеющаяся в романах сложность, а также ключевая роль в них библейского текста⁵. Предпринятый анализ показывает, что Достоевский связан с этой традицией⁶ не только в чисто интеллектуальном и культурном смысле. Она отвечает его образу чувствования и глубоким внутренним убеждениям, вынесенным после каторги. Анализ показывает также, что знакомство с творениями отцов церкви и, в частности, Исаака Сири-

---

⁴ Пикьо 1991, 376.

⁵ Исследователи, анализирующие духовный мир Достоевского, обычно не придают большого значения этому контексту. На мой взгляд, именно поэтому книга Романо Гвардини «Dostoevskij. Il mondo religioso» (1934) оставляет многие вопросы без ответов. Также и русские авторы, такие, как Вяч. Иванов («Достоевский») и Н.А. Бердяев («Мировоззрение Достоевского»; 1923), пытающиеся интерпретировать романы Достоевского согласно собственной идеологии и по своим моделям, пренебрегают православным контекстом, столь важным в произведениях писателя. Не надо забывать также, что на протяжении более чем полувека исследователи, жившие в России, не могли публиковать свои исследования на эту тему. После длительного молчания первые исследования такого рода появились в России в конце восьмидесятых годов. Сборник «Достоевский и Православие» (1997) содержит библиографию по данному вопросу.

⁶ См.: Евдокимов 1961; Буданова 1988; В.А. Котельников 1994; и т.д.

на было весьма плодотворным для Достоевского. Благодаря им то, что писатель чувствовал глубоко, но неопределенно, обрело ясность в пронизанных любовью текстах, обращенных к монахам с чистыми сердцами, а также ко всем, кто пережил страдание, стал кротким и нашел в себе силы искать в этом смысл.

Современные методы анализа предполагают двойной подход к рассмотрению проблемы текста в тексте. Мы не должны забывать, что речь идет о литературных произведениях. Библейский фрагмент, введенный в художественный текст, входит в творческий процесс автора как часть художественной ткани создаваемого произведения. Как пишет Ю.М. Лотман, «в систему с большой внутренней неопределенностью вносится извне текст, который именно потому, что он текст, а не некоторый голый “смысл”, сам обладает внутренней неопределенностью, представляя собой не овеществленную реализацию некоторого языка, а полиглотическое образование, поддающееся ряду интерпретаций с позиции различных языков»⁷. Внутри художественного текста — *textum* в этимологическом значении этого термина⁸ — библейский отрывок, введенный в другой текст, вбирает в себя скрытые до того значения благодаря переплетению разных элементов произведения.

Необходимо подчеркнуть, что библейская цитата отличается от других текстов в тексте. Несомненно, в

⁷ См.: Лотман 1992. Т. 1; 119.

⁸ Там же. Лотман пишет: «Поскольку само слово “текст” включает в себя этимологию переплетения, мы можем сказать, что таким толкованием мы возвращаем понятию “текст” его исходное значение».

любой культуре, даже самой светской и материалистической, Библия была и есть текст, с которым невозможно избежать сравнения, хотя бы в полемическом смысле. Она является самой глубокой по смыслу книгой, богатой всеми возможными значениями, раскрытыми ее толкователями, интеллектуалами и художниками за более чем двухтысячелетний период времени. Для Отцов Восточной церкви, для православной традиции и для самого Достоевского она является, однако, гораздо большим. П. Евдокимов пишет: «Отцы Церкви жили Библией: думали и говорили посредством Библии с той восхищающей проникновенностью, которая ведет к отождествлению их самих с сутью священной книги. Толкование как независимая наука не существовала во времена Отцов Церкви. Кто обращается к их школе, сразу же понимает, что прочитанное или прослушанное Слово всегда приводит к живому Слову, к Присутствию Произнесшего Слово» (Евдокимов 1979; 11).

Раскольников, Ставрогин, Степан Трофимович, Ипполит, Алеша просят почитать или слушают чтение евангельского текста в те критические моменты, когда им необходимо выяснить что-то самое важное в своем существовании, и когда они не могут этого сделать самостоятельно. Для каждого из них цитата из Евангелия является уже знакомым текстом, наполненным понятным им смыслом⁹. Однако каждый герой слышит от-

---

⁹ Анализируя библейские цитаты, введенные Достоевским как тексты в тексте, в данной работе мне бы хотелось проследить не различные интерпретации отрывка, данные разными авторами, а выяснить «контекстуальное значение библейского отрывка», что возможно только при тщатель-

рывок так, как будто он адресован именно ему и только ему. Это — потенциальный ответ, принятый Алешей и умирающим Степаном Трофимовичем, ответ, который хочет получить Ипполит, но не способен его понять, и ответ, отрицаемый отчаявшимся Ставрогиным. Здесь важно подчеркнуть, что евангельский отрывок подан через того, кто читает его. По разным причинам этот персонаж обладает сильным влиянием на слушающих его и именно поэтому ориентирует интерпретацию отрывка, используя при этом различные средства вплоть до изменения тона и эмоциональной окраски подачи¹⁰.

В романах Достоевского социальная роль денег, личного превосходства, власти играет важнейшую роль. В этом мире библейское повествование, введенное как текст в тексте, обладает разрушающей функцией, поскольку четко ориентировано в ином направлении. Используя определение «взрыва», данное Ю.М. Лотманом, можно сказать, что библейский текст вторгается в «привычный мир» Раскольников, Ипполита, Ставро-

---

ном изучении его культурного фона (См.: Пикью 1991; 376). Цитируемые комментарии приведены с целью выявления линии толкования Достоевского.

¹⁰ Отрывок о Воскрешении Лазаря Раскольников слышит из уст Сони, которая уверовала всей душой. Послание Лаодикийской церкви произносится наизусть старцем Тихоном, сознающим, что в этих словах содержится обличение несчастий, удручающих его собеседника, а также указание на его возможное возрождение. Эпизод с бесноватым из Гадаринской страны читает Степану Трофимовичу случайно встреченная им книгоноша Софья Матвеевна. Именно она, практически совершенно не зная его, дает этому герою в последние часы его жизни поддержку и теплоту своей наивной и простой веры. Отрывок из Свадьбы в Кане Галилейской Алеша слушает во время бдения у гроба старца из уст отца Паисия, который любит его и боится за него.

гина, Степана Трофимовича как «незаконная комета»¹¹. Описывая взрывной процесс, Лотман говорит о том, как что-то, до того момента неизвестное, вдруг освещается от встречи с чем-то неожиданным и в один миг становится ясным и очевидным. Последующий шаг состоит в трансформации этого взрыва в текст, который можно передать другим (Лотман 1994; 31).

Для некоторых персонажей и читателей Достоевского встреча с библейским текстом производит «взрыв» такого типа, поскольку в контексте России второй половины XIX в. Св. Писание часто имело периферийное место по сравнению с культурной системой того времени и с его правилами¹². Несмотря на то, что Достоевский получил православное воспитание в глубоко верующей семье, он открывает для себя ценность Евангелия не в петербургском мире своей юности, где в интеллектуальных кругах обсуждались в основном философские произведения и политические памфлеты, а среди ссыльных и отчаявшихся каторжан, освобожденных от стереотипов мышления¹³.

В начале данной работы уместно задать вопрос, какие библейские тексты использовал Достоевский в своем творчестве. В письме от 27 августа 1849 г. из Петропавловской крепости писатель просит у брата оба Завета «во французском переводе» и, если возможно,

---

¹¹ См.: Лотман 1994; 31. Лотман цитирует стихотворение Пушкина «Портрет» (1828).

¹² См.: Смолич 1952; 137; Фудель 1998; 38-46.

¹³ В связи с этим представляют интерес свидетельства самого Достоевского (см. прим. 8 к гл. 1).

текст на славянском языке, выражая скорее культурно-филологический интерес, чем глубоко духовную потребность (28 (1), 158—159). В 1850 г. на пересыльном дворе в Тобольске жены декабристов подарили ему Евангелие на русском языке: «Евангелие Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет» (СПб., 1823)¹⁴.

Г. Хетсо, исследовав имевшийся у писателя экземпляр, пишет: «Это был первый, появившийся в переводе на современный русский язык, текст Нового Завета. Ранее он существовал только на древнем церковнославянском языке в единственной версии, используемой в церкви. Перевод был сделан с участием наиболее выдающихся богословов России. Переводчиком Евангелия от Иоанна был не кто иной, как сам митрополит Филарет. <...> Несомненно, это и есть тот томик Нового Завета, которым автор наделяет Соню в “Преступлении и наказании”»: “Это был Новый Завет в русском переводе”, — замечает Раскольников. — “Книга была старой, истрепанной, в кожаном переплете”» (Хетсо 1984; 6).

Этот полученный в дар том станет единственной кнйгой, с которой он никогда более не расставался. Конечно, после ссылки писатель читал и обращался также и к другим изданиям библейского текста. Выбор этого русского издания, ставшего потертым от частого использования¹⁵, объясняет присутствие цитат почти

¹⁴ См.: Балашов Н.В. Спор о русской Библии и Достоевский, в: *Достоевский: Материалы и исследования*. Т. 13. СПб., 1996, с. 3-15; Тихомиров Б.Н. Достоевский цитирует Евангелие (Заметки текстолога) // Там же, с. 189-194.

¹⁵ См.: Достоевская 1925; 275.

полностью на русском, а не на церковнославянском языке, исключая цитаты из уст Зосимы в «Братьях Карамазовых», и редкие отсылки к Ветхому Завету, конечно же, известному писателю, но не столь часто читаемому им в годы сибирской каторги.

В конце вступительной части мне бы хотелось остановиться на одной из основных тем в традиции Восточной церкви, на «схождении ума в сердце» и на опыте «Царства Божия внутри нас», поскольку они являются ключевыми для понимания некоторых центральных мотивов в произведениях Достоевского и в переживаемом его героями процессе познания¹⁶. Библейские отрывки, введенные в романы как тексты в тексте, такие, как Воскрешение Лазаря, эпизод с бесноватым из Гадаринской страны и его исцеление, стих из двенадцатой главы Евангелия от Иоанна (Послание Лаодикийской церкви), в котором содержится обличение зла, а также указание на духовное возрождение — связаны общей тематической линией. Во всех них центральным является момент перехода от смерти — для героев Достоевского от тоски, чувства вины, неспособности найти смысл существования — к жизни во всей ее полноте, радости, гармонии с самими собой и миром.

«Это чувство ясное и неоспоримое, — утверждает в «Бесах» Кириллов, который переживает это состояние. — Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг

---

¹⁶ Поскольку объектом моего исследования является все творчество Достоевского, краткий обзор, приводимый здесь, будет расширен в последующих главах, посвященных анализу главнейших романов Достоевского.

говорите: да, это правда <...> Это... это не умиление, а только так, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о — тут выше любви! Всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость» (10, 450).

Как увидим, это состояние счастья и участия в полноценном и наполненном смыслом бытии является лейтмотивом, присутствующим каждый раз по-новому в романах писателя. Пьер Паскаль в одной из своих статей собрал некоторые из наиболее значимых отрывков из текстов Достоевского, выражающих идею «рая на земле», и подчеркнул, что эта идея «не была до сих пор принята во внимание достаточным образом»: «Можно поставить вопрос: этот рай на земле, так, а не иначе определенный Достоевским, является христианским? Исследователи, которые рассматривали это понятие рая на земле, часто находили в нем отзвук давнего увлечения писателя “утопическим социализмом” <...> Рай на земле, даже если Достоевский пришел к этой концепции через Руссо или через нео- или псевдохристианство Сен-Симона, — пишет Пьер Паскаль, — главным образом христианская идея, потому что зависит от заповеди “Любите друг друга”. Можно ли утверждать, что она заменила для Достоевского обещанный Христом рай? Мы не можем сказать, насколько это нам доступно, верил он или нет в христианский рай» (Паскаль 1981; 161).

Учитывая культурную и духовную атмосферу, в которой появились романы Достоевского, эта проблема, на наш взгляд, должна быть поставлена иначе. Прежде всего важно подчеркнуть, что начиная с романа

«Идиот» и до последнего своего художественного произведения Достоевский представляет две формы рая на земле. Одна из них напоминает эпизод из Бытия — это рай, пережитый Мышкиным в швейцарской деревушке; рай жителей параллельной планеты, встреченных во сне Смешным человеком из одноименного рассказа; и рай, увиденный во сне Ставрогиным («Бесы») и Версиловым («Подросток»). Жители этого рая не познали еще зла и поэтому, согласно замыслу, который в Библии обозначен с начала времен, обречены испытать падение и боль. Другой формой является рай, засвидетельствованный Маркелом, Таинственным посетителем, Зосимой в «Братьях Карамазовых», Кирилловым и Тихоном в «Бесах», Макаром в «Подростке».

Первый тип рая размещен во времени и в пространстве. Мышкин — хозяин своего маленького сада, расположенного в швейцарских Альпах, ухоженного им с любовью. Как утверждают сами Ставрогин и Версилов, они видят во сне мир «золотого века», воскрешенный в их памяти картиной К. Лоррена «Асис и Галатея».

Второй тип рая, о котором говорят такие герои как Зосима, Маркел, Таинственный посетитель, не расположен ни в пространстве, ни во времени. Речь идет о внутреннем состоянии, достигнутом путем последовательного очищения или, как подчеркивают старцы и отцы церкви, через внезапное душевное озарение, ведущее к утере старого «я» с его страстями и желаниями¹⁷.

¹⁷ В исследовании Джулио Бузи, содержащемся в сборнике материалов семинара «Рай на земле. Второе Бытие и история его интерпретации» (1996), замечено, что «земной рай» отсутствует в еврейском Писании. Выражение

Отцы церкви посвятили значительную часть своих писаний поучениям в обретении внутреннего «Царства» путем «схождения ума в сердце». В восточном христианстве центром человека является не ум, а сердце. Новый Завет «учит, что сердце есть главный орган жизни психической и духовной, это в человеке то место, в котором Бог несет свидетельство самому себе»¹⁸. «Умирись

«земной рай» не является переводом ни одной из библейских фраз, а заменяет *gan Eden* из Книги Бытия, что буквально означает «сад наслаждений», здесь существительное «сад» — персидского происхождения, прилагательное же «земной» ни разу не встречается в еврейской Библии. Термин «рай», который существует в еврейском языке в форме *pardes*, использованной в других книгах Св. Писания, чужд истории Адама. В литературе, относящейся к Талмуду, а также в мидрашской литературе, *gan 'Eden* часто используется для описания божественного сада, противопоставленного *pardes*, который обозначает сад, посаженный человеком. Исключением можно считать известный рассказ о «четверых, входящих в *pardes*», где, однако, как подчеркивает Бузи, эти слова, возможно, выражают внутренне пережитое, и вход в сад находится на самом деле в глубине сердца (см.: Бузи 1996; 465-466). Во вступительной статье к сборнику, в который входит работа Бузи, Пьер Чезаре Бори и Мауро Пеше подчеркивают, что «авторы статей, входящих в сборник, обращают особое внимание на историко-толковательный аспект и, в особенности, на наличие иных специфических проблем, относящихся не только к эсхатологии рая — Эдема как образа потустороннего мира, — но и к природе первоначального состояния как образа того, чем человек был призван раньше и призван стать сейчас в этом мире» (Бори и Пеше 1996; 463). Я привела эту цитату потому, что внимание Достоевского обращено именно на этот аспект: не на потусторонний мир и не на конкретный материальный рай, а на внутреннее состояние, которое может быть пережито теми, кто всей душой к нему стремится.

¹⁸ См.: Данлоп 1972; 22. П. Евдокимов посвятил целую главу своей книги «Православие» «библейскому понятию сердца»: «Этот термин, — пишет русский богослов, — абсолютно не совпадает с тем эмоциональным центром, о котором говорят учебники по психологии; евреи считают, что люди думают сердцем, поскольку оно вбирает в себя все способности человеческого духа. Человек посещаем Святым Духом, живущим в нем и вдохновляющим его из глубин его существа. Отношения человека с содержанием его сердца, места Божественной необитаемости, и определяет его

сам с собою, и умирится с тобою небо и земля, — пишет Исаак Сирин. — Потщись войти во внутреннюю свою клеть, и узришь клеть небесную; потому что та и другая — одно и то же, и входя в одну, видишь обе. Лествица оного царствия внутри тебя, сокровенна в душе твоей. В себе самом погрузись от греха, и найдешь там восхождения, по которым в состоянии будешь восходить» (Исаак Сирин 1911. Слово 2; 11).

Современный православный исследователь, английский митрополит Каллист Уэр пишет, что до тех пор, пока ученик молится разумом, он будет продолжать действовать только интеллектом, и на этом уровне не приблизится никогда к непосредственной и личной встрече с Богом. Используя разум, можно узнать что-то, касающееся Бога, но не самого Бога¹⁹. «От ученика не требуется отказаться от своих интеллектуальных способностей — разум тоже является даром Божиим, — он призван сойти разумом в сердце. Ученик, — пишет Каллист Уэр, — сходит в сердце естественное и оттуда в “сердце” глубинное, в то “внутреннее место” сердца, не являющееся более телесным. Там <...> первым он обнаруживает “дух от образа Бога”, который Святой Дух поместил в него в момент творения, и через этот дух он

сознание, в котором говорит правда» (Евдокимов 1959; 91-93). См. также: Лосский 1944; 193-195.

¹⁹ Это то, что случается с интеллектуальными героями Достоевского, в частности, с Иваном Карамазовым. Я остановилась на этом аспекте работы Каллиста Уэра, поскольку, как увидим ниже, он поможет нам понять различные этапы процесса «схождения ума в сердце», пережитого героями Достоевского.

приходит к познанию Духа Бога <...>. Кто хочет пройти по пути внутренней молитвы, должен “вернуться в самого себя”, найдя Царство Небесное, имеющееся в нем самом» (Уэр 1966; 23).

Отцы церкви осуществляют это схождение в глубины собственного сердца, вдохновляясь стихом из Евангелия от Луки 17:21 «Царствие Божие внутри нас есть»). «Богоприсутствие» является кардинальным пунктом Православия. «Это фундаментальное утверждение, определяющее всю восточную теологию, — пишет П. Евдокимов в книге «Православие». — Божественная сущность трансцендентна, имманентны лишь действия (силы, благодать). Это не абстракция, а коренной вопрос, потому что речь идет о реальности связи между Богом и человеком. Человек реально ощущает связь с Божественными действиями, с проявлениями Божественного в мире, таким же образом как и в таинстве евхаристии: кто принял Божественное действие, принял и всего Бога» (Евдокимов 1959; 35). «Святой Германій, патриарх Константинополя, — продолжает Евдокимов в «Богословии красоты», — говорил, что с Христом все небо сошло на землю. Сергей Булгаков называл Православие “небом на земле”» (Евдокимов 1972; 36, 53).

В этот же ряд выстраивается, как увидим, жизненный опыт, которым Достоевский наделяет своих изблуженных героев, подвигнутых на это отчаянной жадью света. К этому состоянию радости и внутренней полноты стремятся более или менее сознательно все герои последних его романов, даже самые виновные и отчаявшиеся. Писатель полностью осознает, что на этом пути

возможны падения и поражения. Таковыми являются мрачные трагедии жизни Ставрогина, Кириллова, Ивана Карамазова и некоторых других персонажей его произведений. Лишь немногим и избранным героям Достоевский дает пережить состояние «рая на земле». Некоторые из них, такие как Маркел, Степан Трофимович, Таинственный посетитель переживают его в непосредственной близости смерти; другие — в патологическом состоянии эпилептического припадка (Мышкин и, возможно, Кириллов); третьи, подобно Ставрогину и Версилкову, — в сне о Золотом веке, который, как им кажется, невозможно обратить в реальность. Для всех них этот рай является чем-то смутно ощущаемым и уже потерянным. Или же это переход в другое состояние, которое уже проецируется в другой мир. Героев, достигших этой глубокой внутренней радости в удалении от мира, — старца Тихона в «Бесах», Зосиму в «Братьях Карамазовых», странника Макара в «Подростке», — писатель представляет в состоянии глубокой зрелости, полном мудрости и любви, а не в процессе движения к нему. В контексте всего творчества Достоевского Алеша Карамазов — единственный герой, обретающий это состояние в полном осознании и во всей жизненной полноте.

Для понимания смысла выражения «рай на земле», которое появляется в центральных и решающих эпизодах произведений писателя, необходимо выяснить, что значит «Царство Божие внутри нас» в трактовке Отцов Восточной церкви. Исаак Сиринов в «Словах подвижнических» возвращается к определению этого внутреннего

состояния несколько раз: «Оного духовного ведения никто не может приять, если не обратится и не будет, как дитя. Ибо с сего только времени ощущается оное услаждение небесным царствием. О царствии небесном говорят, что оно есть духовное созерцание» (Исаак Сирийский 1911. Слово 49; 217). «Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами <...> Любовь есть царство; о ней Господь таинственно обетовал апостолам, что вкусят ее в царствие Его. Любви достаточно для того, чтобы напитать человека вместо пищи и питья» (Исаак Сирийский 1911. Слово 83; 397-398).

Из процитированных здесь, а также из многочисленных других отрывков из писаний этого отца церкви, становится ясно, что для него духовный рай возможен уже на земле, и что его сущностью является любовь, растущая в ответ на Божественную любовь, которую возможно обрести внутри себя. Этой любви безмерной, безграничной в истинном ее понимании, любви, берущей начало от ощущения Божественного внутри себя, Исаак Сирийский посвятил свои наиболее взволнованные «Слова», столь часто используемые теологами. Эту же линию продолжает Симеон Новый Богослов, много раз цитирующий стих из Евангелия от Луки «Царство Божие внутри нас есть».

Творения Исаака Сирия и Симеона Нового Богослова вошли в русский религиозный обиход благодаря переводам Паисия Величковского²⁰ и позднее, после пе-

---

²⁰ О переводе Паисия и о его значении для русского православия см.: Котельников 1994; 70-77.

риода относительного забвения, были в 1850-х гг. заново отредактированы и опубликованы в Оптиной пустыни, что сделало эти малодоступные ранее писания широко известными²¹.

Как мы увидим далее, «рай на земле», переживаемый излюбленными героями Достоевского, имеет все характеристики внутреннего опыта, описанного в произведениях Исаака Сирина и Симеона Нового Богослова. Для писателя, столь тяготеющего к свету, радости, потрясенного и восхищенного красотой мира, является существенным поиск того, что делает возможным обрести этот «рай» (состояние благодати внутри себя), а также поиск причин, порождающих обратный процесс: утерю духовных ценностей и отчуждение, столь распространенные в современном ему мире. Эти искания в реальности второй половины XIX в. остаются актуальными

---

²¹ Биограф старца Макария Леонид Кавелин пишет: «В октябре 1852 года начали заниматься составлением пояснительных примечаний к славянскому переводу старца Паисия книги св. Исаака Сирина и сличать его с греческим текстом <...>. В марте 1854 года вышло в свет драгоценнейшее из всех изданий Оптиной пустыни: «Св. Отца нашего Исаака Сирина епископа Ниневийского слова духовноподвижнические, переведены с греческого старцем Паисием Величковским». Напечатаны на славянском наречии гражданскими буквами, снабжены по сказанному выше, подстрочными примечаниями и алфавитным в конце книги указателем, которым прилежно занимался сам старец о. Макарий» (Кавелин 1861; 167-168). В одном из примечаний Кавелин сообщает о том, что рукописные экземпляры, предшествующие труду Паисия Величковского, были чрезвычайно редкими и дорогими и что «не один старец Макарий, но и все любители отеческих писаний были несказанно обрадованы выходом в свет сей книги». В те же годы были опубликованы «Жизнь Симеона Нового Богослова» (1856) и двенадцать его проповедей (1858), а также произведения Варсануфия (1855), Дорофея (1856) и мн. др. О переводах и публикациях Оптиной см.: Котельников 1994; 109-111.

по сей день. Романы Достоевского настолько глубоки и содержательны в анализе сложнейших психических процессов, что дают материал для размышлений каждому, независимо от его политических и религиозных взглядов.

Несмотря на известные идеи некоторых, весьма авторитетных исследователей творчества писателя²², анализ главных его произведений ясно дает понять, что Св. Писание, прочитанное через поучения старцев, отцов церкви и жизненный опыт писателя, является ключевым текстом, без которого концептуальная глубина романов Достоевского не была бы осознана до конца.

---

²² Ссылаюсь, в частности, на работу М.М. Бахтина о полифонии романов Достоевского (Бахтин 1963). Признавая ценность методологического приема, широко использованного мною в этой работе, считаю, что личность Достоевского, столь многогранная и творчески непокорная, не укладывается в схемы тех исследователей, которые используют его произведения для приложения своих теорий.